

Секс — это ваша жизненная сила. Вы пришли в этот мир благодаря этой энергии. Она поддерживает в вас движение, поддерживает в вас жизнь.

Назовите ее жизненным порывом или жизненной силой — ведь само слово «секс» было настолько дискредитировано жрецами, что, даже просто произнося его, вы чувствуете, будто совершаете нечто дурное. Скажите «жизненная сила» — и вы сразу заметите разницу.

Когда вы говорите о «жизненной силе», вы не чувствуете вины. Но стоит произнести «секс», как внутри что-то начинает покалывать — это ваша совесть. Жрецам удалось встроить в вас механизм, который жалит при малейшем намеке на запретное.

— Ошо, в «Пире» Платона Сократ говорит: «Человек, практикующий таинства любви, будет соприкасаться не с отражением, но с самой истиной. Чтобы познать это благословение человеческой природы, нельзя найти помощника лучше, чем любовь». Прокомментируй, пожалуйста.

Всю жизнь я говорю о любви тысячами разных способов, но весть остается неизменной. Нужно помнить одну фундаментальную вещь: та любовь, о которой говорю я, — совсем не то, что вы под ней подразумеваете. Ни Сократ не имел в виду вашу «любовь», ни я. Чувство, знакомое вам, — не более чем биологический позыв; оно зависит от химии и гормонов. Малейшее изменение в составе крови — и эта любовь, которую вы считали высшей истиной, попросту исчезнет.

Вы называете любовью вожделение. Об этом различии стоит помнить.

Сократ говорит: «Человек, практикующий таинства любви...». У вожделения нет таинств, это бесхитростная биологическая игра. Любое животное, любая птица и каждое дерево знают это. Безусловно, любовь, обладающая таинствами, совершенно иная, нежели та, к которой вы привыкли.

*Человек, практикующий таинства любви,
будет соприкасаться не с отражением,
а с самой истиной.*

Такая любовь, способная стать соприкосновением с истиной, рождается только из вашей осознанности — не из

тела, а из сокровенного существа. Вожделение идет от плоти. Любовь рождается из осознанности. Но люди не знают своего центра, и потому это недопонимание длится вечно: телесная страсть принимается за любовь.

Лишь немногие в мире познали истинную любовь. Это те, кто стали по-настоящему тихими и мирными... Из этой тишины они установили контакт со своей душой. Стоит вам соприкоснуться с ней, как любовь перестает быть отношениями — она становится вашим качеством, вашей тенью. Куда бы вы ни направились, с кем бы ни общались — вы любите.

Сейчас то, что вы зовете любовью, адресовано кому-то одному, ограничено кем-то. Но любовь нельзя ограничить. Ее можно удержать в раскрытых ладонях, но не в кулаке. В тот миг, когда пальцы сжимаются, ладони пустеют. Но когда они открыты, вам доступно все существование.

Сократ прав. Тот, кто знает любовь, знает и истину, ибо это два имени для одного опыта. И если вы не познали истину, помните: любви вы тоже не знали.

*Чтобы познать это благословение
человеческой природы, нельзя найти
помощника лучше, чем любовь.*

Одно лишь мне хотелось бы сказать о Сократе: весь его подход был логическим и дискуссионным. Его метод известен как сократический диалог — процесс долгий, подобный психоанализу. Он будет обсуждать и обсуждать, разрушая ваши ложные аргументы и идеи. Его утверждение, в котором есть доля правды, гласило: когда все ложные представления уничтожены, то, что остается

и не подлежит оспариванию, и есть ваше существо. И из этого существа изливается аромат любви. Но Сократ ничего не знал о медитации. Он пришел к познанию истины длинным, ненужным путем рассуждений. Он был одним из лучших мастеров спора, которых когда-либо видел мир, — ему не было равных. Но то, что он делал с помощью аргументации, не может стать всеобщим путем: он неоправданно долог.

Ложное исчезнет, если вы будете просто сидеть в тишине и наблюдать за своими мыслями. Не нужно спорить, сражаться или отталкивать их — просто смотрите, будто это кадры на телеэкране.

На Востоке знали об этом величайшем чуде, в отличие от Сократа, который не был знаком с Востоком. И хотя очевидно, что он нашел любовь и истину, он никогда не допускал мысли о существовании кратчайшего пути. А его процесс мучителен! Читая диалоги Сократа, чувствуешь, насколько это долго: каждый аргумент порождает новые проблемы, а те — новые аргументы. Он сражается с теньями.

Но это не его вина. В те времена Афины были одним из самых утонченных, интеллектуальных городов мира. Он не ведал, что в то же самое время в Индии Будда учил медитации, в Китае Лао-цзы обучал медитации, Махавира учил медитации; это было ровно в то же время, двадцать пять веков назад.

Сократ унаследовал логику от своих предков — Греция была полна софистов. Это были странные люди: их философия заключалась в том, что нет ни истины, ни лжи — все зависит от того, чей аргумент сильнее. Если ты споришь лучше оппонента — ты прав. Встретишь того, кто спорит лучше тебя, — значит, ты не прав. Сократу в наследство досталась лишь гимнастика спора.

Он изменил этот процесс: *софистика* стала *философией*. Слово «фило» означает любовь, а «софия» — мудрость. Сама же софистика была просто страстью к спорам.

Сократ проделал великую работу, но почти всегда случается так: те, с кем ты сражаешься, накладывают на тебя огромный отпечаток — даже если ты победил. Просто борясь с ними, ты вынужден использовать их же методы, иначе схватка не состоится. Сократ непрестанно боролся с софистами. Он жаждал сокрушить саму идею о том, что искусный довод — это все. И он преуспел: он порвал со своим прошлым. Но с теми, против кого он выступал, ему приходилось биться оружием логики. И хотя софисты были повержены, сама страсть к доказательствам осталась в нем самом. Он применял ее наилучшим образом: для поиска истины. Однако он совершенно не знал, что на Востоке люди обладали иным наследием — почти десять тысяч лет сидения в тишине и недеяния.

Когда на вас нисходит тишина, когда мысли уходят и беспокойства исчезают, а зеркало сознания становится чистым... вы понимаете, что вы и *есть* истина, вы и есть любовь, вы божественны. За один-единственный шаг — от ума к не-уму — распахиваются двери ко всем сокровищам, ко всем тайнствам любви, жизни и блаженства. Нет нужды спорить с ложным.

Я убежден: даже оспаривать ложное — значит в какой-то степени одобрять его. Таково было видение Востока на протяжении веков. Вы не спорите со своей тенью: «Не ходи за мной сегодня, ты мне не нравишься». Вы не убегаете от нее, ведь тогда и тень побежит следом.

Восток никогда не боролся с умом; он нашел иной путь — метод наблюдателя на холмах. Пусть любые мысли проходят мимо. Не суди, не порицай, не оценивай.

Ты — зеркало; суждения не твоя забота. Ты просто отражаешь, и все проходит. Если не обращать на мысли внимания, они перестанут приходить. Они не хотят быть незваными гостями. Возможно, в силу старой привычки они задержатся на несколько дней, но вы заметите, что поток иссякает. А иначе это круглосуточный час пик.

Как только ум становится тихим и обширным, вы находите золотой ключик, универсальный ключ, открывающий все тайны истины и вечной жизни.

Идея Сократа верна, но я не согласен с методом. Он излишен: если вы собираетесь вернуться домой, зачем убежать за много миль, а *затем* возвращаться домой? Вы уже там! Просто закройте глаза и расслабьтесь в тишине.

Но вывод его верен:

*Человек, практикующий таинства любви,
будет соприкасаться не с отражением,
а с самой истиной. Чтобы познать это
благословение человеческой природы,
нельзя найти помощника лучше, чем любовь.*

Вы можете начать с приумножения, расширения своей любви... но куда вы станете ее расширять? Ваш ум стоит вокруг вас, точно Великая Китайская стена. Сначала она должна исчезнуть. И в этом — задача медитации. Сократ мог бы стать Гаутамой Буддой для Запада, и тогда вся история была бы иной. Но он заложил для западного ума путь спора. И со временем этот путь аргументации вместо любви породил атомные бомбы, ядерное оружие, науку и технологии.

Восток не открыл подобных вещей, потому что никогда не придавал значения аргументации, разуму. Все внимание было сосредоточено на расширении сознания, а чтобы дать ему пространство, необходимо избавиться от ума. Когда разума нет, не остается границ; даже небо перестает быть пределом — вы повсюду! Это чувство сопричастности всему сущему и есть любовь. А знание того, что она исходит из самого центра вашего существования, — истина.

Сократ обращается не к так называемым влюбленным всего мира. Он говорит с немногими учениками, пришедшими в поисках истины. Он помог единицам; он не мог помочь многим, потому что для всех процесс был слишком долгим.

Востоку же посчастливилось открыть паломничество длиной в один-единственный шаг: от ума к не-уму — и вы дома. Вы всегда были там. Вы ни на миг его не покидали. Лишь ум блуждал по свету, но сами вы никогда не были где-то еще. Если блуждание прекращается, внезапно приходит откровение.